

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ

М.И. Сигачёв*, Э.С. Слепцов**

РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА

Статья посвящена рассмотрению взглядов представителей консервативно-традиционалистской мысли постсоветской России на происходящую трансформацию современного мироустройства. Авторами ставится цель проанализировать отношение различных спектров русской консервативно-традиционалистской мысли конца XX — начала XXI в. к западному глобализму. В статье выдвигается гипотеза, что русские философы-традиционалисты и консерваторы сформулировали альтернативную западному глобализму модель сосуществования различных культур, построенную на уважении к традиционным смыслам цивилизаций.

Ключевые слова: консерватизм, традиционализм, русская мысль, глобализм, Запад, Западный проект, западная цивилизация, Модерн, Восток, Восточный проект, российская цивилизация, византизм, неоевразийство, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, А.И. Солженицын.

M.I. Sigachev, E.S. Sleptsov. Russian conservative thought of the late XX — the early XXI centuries in the context of the transformation of the world order

The article is devoted to the views of representatives of the conservative-traditionalist thought of post-Soviet Russia on the ongoing transformation of the modern world order. The authors aim at analyzing the attitude of Russian conservative-traditionalist thought of the late XX — the early XXI centuries to towards Western globalism. The article puts forward a hypothesis that Russian philosophers of traditionalist and conservative views enunciated the model of coexistence of different civilizations as an alternative to Western globalism, built on respect for the traditional meanings of civilizations.

* Сигачёв Максим Игоревич — кандидат политических наук, младший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (117997, ул. Профсоюзная, 23, г. Москва, Россия), тел.: +7 (499) 120-52-36; e-mail: maxsig@mail.ru

** Слепцов Эрнест Сергеевич — аспирант Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (117997, ул. Профсоюзная, 23, г. Москва, Россия), тел.: +7 (925) 356-30-28; e-mail: ernest89@mail.ru

Keywords: conservatism, traditionalism, Russian thought, globalism, West, Western project, Western civilization, Modernity, East, Eastern project, Russian civilization, Byzantism, Neo-Eurasianism, A.S. Panarin, A.G. Dugin, A.I. Solzhenitsyn.

Кризис Западного проекта и обновление традиции

В настоящий момент в российской и мировой науке широко распространен тезис о том, что в сегодняшнем мире происходят глобальные сдвиги. Как подчеркивается в коллективной монографии сотрудников ИМЭМО РАН Е.С. Садовой и В.А. Сауткиной «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект», «сегодня уже практически конвенциональным стало понимание того, что кризис, с которым столкнулся мир, является не просто всеохватывающим и комплексным, но знаменует собой окончание некоторого периода человеческой истории, за которым должно следовать формирование (возможно, отчасти даже конструирование) нового мироустройства, основанного на иных принципах функционирования» [Е.С. Садовая, В.А. Сауткина, 2015, с. 4]. В то же время В.Г. Хорос отмечает, что «2016 год... несет с собой черты (или является предвестием) масштабных трансформаций международного пространства — или, как выразился в ежегоднике М.В. Братерский, “тектонические сдвиги”. Признаки этих сдвигов почти единодушно усматриваются в таких событиях, как Brexit в Великобритании и победа на президентских выборах в США Дональда Трампа» [Запад — Восток — Россия, 2017, с. 5]. Кризис западного миропорядка проявляется в двух сферах: 1) как кризис наднациональных институтов; 2) как кризис западного национального государства (государства-нации, nation-state) и национальной идентичности в ее западном понимании. И.С. Семененко в коллективной монографии «Идентичность: Личность, общество, политика» отмечает, что «формирование транснациональных политических пространств и трансграничные потоки людей, товаров, капиталов способствуют размыванию территориальных опор национальной идентичности» [И.С. Семененко, 2017, с. 411].

В свою очередь, происходящие на наших глазах тектонические сдвиги в более широком контексте могут рассматриваться в качестве второй волны трансформации миропорядка конца XX — начала XXI в., первый этап которой приходится на время рубежа 1980–1990-х гг. Это время стало водоразделом между биполярным мироустройством периода Холодной войны и однополярным «новым мировым порядком» во главе с США. Установление гегемонии Запада сопровождалось повсеместным господством неолиберальных концепций монетаризма. «Западнизм» (термин А. Зиновьева) подразумевал необходимость прямолинейно подражать Западной Европе и

Северной Америке как двум ипостасям евроатлантической цивилизации. Фактически речь шла о «новой мировой революции справа», на этот раз не коммунистической, а либерально-капиталистической, где неолиберальные силы выступали как новые «правые» троцкисты.

Если на протяжении большей части XX в. Западный проект существовал в форме социализма (коммунизма) и либерального капитализма, то к концу XX в. победу одержали глобалисты, представители всевозможных наднациональных международных организаций, а также поддерживающие их представители транснационального финансово-промышленного капитала, поставившие знак равенства между западной цивилизацией и глобализмом.

Для обоснования господства этих сил в идейно-политическом поле использовались концепции, сформулированные философами-постмодернистами, а также философами аналитической традиции и приверженцами теории объективизма (ее основоположница — Айн Рэнд). В этом контексте у большой группы интеллектуалов возникла потребность выработать свой философский язык для критического описания происходящих событий с целью построения альтернативной социальной реальности, одним из возможных названий которой является посткапитализм. Кризис Западного проекта позволяет говорить о возможном конце капитализма вместо несостоявшегося «конца истории» (термин Ф. Фукуямы). Однако посткапиталистическая альтернатива мирового развития требует также и нового альтернативного мировоззрения. Мировоззренческие поиски стимулировали возрождение во всем мире интереса к идеям, на основе которых стало бы возможным дать конструктивный ответ на вопрос, что делать со стагнирующим Западным проектом, и главное — какую альтернативную основу для развития выбрать. Среди этих идейных течений — фундаментализм, национализм, постгуманизм, археомодернизм и, наконец, традиционализм. Особенно интересным для исследования представляется традиционализм, поскольку на его основе уже формулируются и реализуются конкретные политические программы, которые, в отличие от фундаменталистских течений разных спектров, имеют под собой сильную конструктивную основу. Приход к власти в США Дональда Трампа, а также новый курс Си Цзиньпина — прекрасные тому примеры. Несмотря на то что к настоящему времени столь же значимой политической ниши традиционализм в России не занял, его изучение представляется крайне актуальным, поскольку успешно осуществленный российским руководством проект воссоединения Крыма с Россией, а также поддержка русскоязычного населения в ходе гражданской войны на Донбассе не могли состояться без многолетнего труда мыслителей-традиционалистов. В связи с вышесказанным представляется важным проанализировать

тот вклад, который был внесен русской традиционалистской мыслью постсоветской России в понимание происходящей на наших глазах глобальной стратегической нестабильности, знаменующей собой кризис Западного проекта, и в конструирование принципов посткапитализма как нового альтернативного мироустройства, идущего на смену неоллиберально-капиталистической «мир-системе» (термин Э. Валлерстайна).

Для достижения поставленной цели требуется прояснить смысл традиционалистского подхода к пониманию места и роли обновленной традиции в рамках трансформации современного мироустройства. Начать следует с того, чтобы определить содержание традиционалистской мысли постсоветской России: т.е. объяснить, по отношению к кому используется наименование «традиционалист» применительно к конкретной исторической ситуации конца XX — начала XXI в. В современной научной дискуссии до сих пор не выработано единого определения этого феномена, в первую очередь в силу влияния западной философско-политической традиции, согласно которой существует жесткое разделение идейного спектра на две группы: либералы и консерваторы (куда относятся и традиционалисты). Если применять данную парадигму к постсоветской действительности, можно попасть в ложную дихотомию: все, кто против Западного цивилизационного проекта — консерваторы-традиционалисты. Однако поскольку западная политико-философская традиция определяла как консерваторов, так и либералов исключительно исходя из внутреннего контекста, то применительно к постсоветской России понятие «либерал» значительно расходится с устоявшимся западным аналогом, равно как и понятие «консерватор» («традиционалист»). Необходимо понимать, что в 90-х гг. XX в. российская политико-философская арена состояла отнюдь не из дихотомически противопоставленных идей. Можно с уверенностью отметить, что Западному проекту противостоял целый ряд идейных течений. Наиболее значимыми из них были: во-первых, те самые традиционалисты, о которых далее пойдет речь, во-вторых, радикальные марксисты, в-третьих, радикальные националисты (иногда их по ошибке относят к традиционалистам только на основании идей сохранения и развития нации) и, в-четвертых, последователи радикального религиозного фундаментализма (исламисты как суннитского толка, так и ваххабиты).

В ходе данного анализа возникла необходимость прояснения формулировок: российские или же русские традиционалисты? Формулировка «российские» включает традиционалистов всех национальных образований (чеченских, татарских и т.д.). Таким образом, необходимо остановиться на термине «русские», при этом мы не имеем в виду, что упомянутые мыслители обязательно этнически

русские, но они обязательно мыслят себя прежде всего как представители русской культуры.

Возвращаясь к понятиям, стоит отметить, что «консерватор» и «традиционалист» зачастую используются как синонимы в российском научном и публицистическом дискурсе, что объясняется сущностной близостью этих явлений. В.М. Камнев и И.Д. Осипов определяют консерватизм как феномен, который «следует связывать не столько с номенклатурой неких универсальных ценностей, сколько с тем их субъективным измерением, которое, оставаясь почти не артикулируемым, тем не менее, всегда подразумевается» [В.М. Камнев, И.Д. Осипов, 2017, с. 21]. Что же до русского консерватизма, он имеет следующие отличительные черты: размышление над судьбой Запада как над своей собственной проблемой, восприятие России как пространства, наделенного онтологической полнотой, в отличие от ограниченного и онтологически неполного Запада; мессианство по отношению к Западу, при этом осознание роли России исключительно как помощника Западу в трансценденции над самим собой [там же, с. 22–23].

Еще одна черта русского консерватизма, подмеченная А. Шириняцем, это прагматизм с элементами романтизма, в частности автор приводит в пример К.С. Аксакова [А. Шириняц, 2014]. При этом, как отмечал Н.А. Бердяев, консерватизм не предполагает противопоставление развитию, а требует развития прошлого.

Традиционалистская мысль в постсоветской России сформировалась в результате смешения различных философских традиций — как отечественных, так и западных. Среди западных традиций можно выделить несколько ключевых. Прежде всего, это Мартин Хайдеггер. Затем — мыслители «консервативной революции»: О. Шпенглер, Эрнст и Фридрих Георг Юнгер, О. Шпанн, Карл Шмитт, К. Хаусхофер, а также их французский последователь Ален де Бенуа. Среди российских последователей Хайдеггера можно выделить А.Г. Дугина, осмысляющего философией Хайдеггера катастрофу европейской цивилизации [А.Г. Дугин, 2015, с. 393]. А.В. Михайловский в своем прочтении Дугина акцентирует внимание на создании Дугиным нарратива «Русского Другого начала», которое может освободить не только Россию, но и весь мир от западного дискурса нигилизма [А.В. Михайловский, 2018].

В.В. Бибахин в своих трудах и переводах обосновывал одно из важнейших понятий, а именно событийности и собственности с позиций М. Хайдеггера [А.В. Ахутин, А.В. Магун, 2014]. Бибахин отмечал, что события 1933 г. в Германии, отрефлексированные Хайдеггером, похожи на события 1917 и 1991 гг., а именно они представляют собой слом Бытия, тем самым давая событиям развернуться в

своей Истине [В.В. Бибихин, 2002, с. 10–11]. По своей сути, Бибихин философски определяет консервативный ход мышления как принятие самой Истории в историческом плане.

Феномен «Консервативной революции» возник в результате поражения Германии в Первой мировой войне, и для понимания его причин группа немецких интеллектуалов пришла к выводу о том, что Запад как цивилизация потерял свою Историю как волю к власти. При этом, как отмечает Михаил Хлебников, «консервативные революционеры» пытаются преодолеть консерватизм, при этом оставаясь консерваторами [М. Хлебников, 2019, с. 17]. Как отмечает в свою очередь О. Шпанн, «ничто не постоянно, все изменяется; мы имеем дело не со структуризацией, а лишь с реструктуризацией» [О. Шпанн, 2005, с. 417]. Тем самым он, по сути, повторяет точку зрения Бердяева. Основное влияние консервативные революционеры оказали на мышление А.Г. Дугина и других неоевразийцев. Можно отметить сильнейшее влияние немецкого юриста и философа Карла Шмитта и геополитика Карла Хаусхофера на движение неоевразийцев. Именно с помощью их геополитических концепций Дугин доказывает существование «особого русского пути». Такие исследователи А.Г. Дугина, как Марлен Ларюэль [М. Laruell, 2004] и В.Л. Цымбурский [В.Л. Цымбурский, 2007, с. 464], отмечают, что он пытается использовать западных авторов для обоснования своего вида неоевразийства, которое является российской версией новых правых. Существует также мнение, что Дугин пытается воскресить неомедиевализм [Д. Ханаева, 2017], который также является именно западноевропейским течением.

Из русской философской традиции наиболее сильное влияние на современных традиционалистов оказали космисты, евразийцы, византийцы, а также мыслители, выходящие за рамки этих трех течений, прежде всего И. Ильин.

Влияние русских космистов прослеживается у российского писателя Александра Проханова. Исследователь творчества Проханова М.А. Кильдяшов показывает, что русская техносфера в виде своей наивысшей реализации — космической ракеты — соприкасается с мистическим Космосом, в котором возможны встречи с отцами, что является прямой отсылкой к Николаю Федорову [М.А. Кильдяшов, 2018, с. 29].

В исследовательской литературе часть мыслителей традиционалистской направленности причисляют к евразийцам и неоевразийцам. В частности, в рамках российского традиционализма выделяется течение академического неоевразийства. Академическому неоевразийству присуща идея империи как особой формы государственности, базирующейся на ценностях и принципах, а не на культуре нации,

и сохраняющей национальное многообразие Евразии [Г.В. Жданова, 2004, с. 98]. Современные евразийцы понимают Россию не как русское национальное государство, а как империю, призванную хранить и защищать культурное многообразие Евразии. Зарубежный исследователь М. Сэджвик, перечисляя ключевых представителей неоевразийства, подчеркивает, что одним из факторов усиления евразийского движения в постсоветской России стала поддержка со стороны ряда влиятельных интеллектуалов и известных политологов [М. Сэджвик, 2014, с. 378, 402].

Византизм, как и до Октябрьской революции 1917 г., пытается обосновать связь России с греческим православным началом, тем самым указывая на его расхождение с Римом, но при этом православное начало является европейским началом. Так же, как и византийцы начала XX в., неовизантийцы противопоставляют себя тюркскому началу России и считают, что Золотая Орда привела к обособлению от Европы [А.Н. Окара, 2012].

Традиционалистская мысль постсоветской России представляла собой ответную реакцию на распад СССР, а также западничество элит новой России. В связи с этим сложилось, как отмечает А.С. Панарин, три направления консервативной мысли: «белый» проект, «красный» проект и евразийство [А.С. Панарин, 1996, с. 126], другие же авторы отмечают только два направления: «красный» проект и «белый» проект. Остановимся подробнее на каждом из них.

Сущность «белого» проекта состоит в том, чтобы вернуться в дореволюционную эпоху к народным либо православным истокам. Представители «белого» проекта считают, что Октябрьская революция 1917 г. была катастрофой для русского человека. Н.В. Работяжев указывает, что представители «белого» проекта «фокусируют внимание не только на их (коммунистический проект и сталинская модернизация) высокой человеческой цене, но и на том, что в ходе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства русские традиции и жизненный уклад подверглись почти полному разгрому» [Н.В. Работяжев, 2015]. В «белом» проекте также отмечается стремление к строительству национального русского государства, «русского мира». Можно также отнести к этому виду традиционалистской мысли неовизантизм, рассматривающий Россию не только как евразийскую, но и как славяно-православную цивилизацию — «третий Рим» — наследницу Византийской, Восточно-Римской империи. К представителям «белого» проекта можно отнести А.И. Солженицына. Из институтов, транслирующих неовизантизм и в целом «белый» проект, следует отметить Российский институт стратегических исследований (РИСИ) в то время, когда его директором был Леонид Решетников. В частности, программной работой Решетникова является книга

«Вернуться в Россию», в которой автор формулирует концепцию возвращения к дореволюционной и традиционной Российской империи. Немецкий исследователь А. Греф, анализируя доклады РИСИ, обращает внимание, что в них красной нитью проходит идея о том, что Россия является особой цивилизацией, а именно цивилизацией Иисуса Христа [А. Graef, 2019]. К отдельному виду неовизантизма можно отнести и так называемое «атомное православие», выразителями которого являются митрополит Иоанн (Снычев) и Егор Холмогоров. Представители данного движения пытаются рационализировать атомное оружие России как явление «очищающего огня покаяния». Согласно их воззрениям, именно на Россию возложена миссия по «очищению» этим огнем всего мира.

«Красный» проект ратует за трансформацию коммунистической идеи в контексте русской культуры. Представители «красного» проекта выступают за неразрывную связь времен, положительное отношение к советскому опыту, особенно к сталинскому периоду истории, по причине полного раскрытия в эпоху «апогея сталинизма» имперского начала российской цивилизации. При этом можно выделить расхождения и внутри «красно-сталинистского» лагеря: в частности, неоевразийцы выступают за объединение нескольких цивилизаций на равноправной основе в пространстве Евразии на основе общих религиозно-культурных ценностей (Гейдар Джемаль, А.С. Панарин, А.Г. Дугин), тогда как А. Проханов и Э.В. Лимонов считают, что объединение должно происходить в рамках русской имперской традиции.

Ко второму десятилетию XXI в. стало очевидно, что невозможно осуществить как «красный», так и «белый» проект в полной мере. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, отказ от активной политической деятельности в жизни России до присоединения Крыма в 2014 г. и войны на Донбассе привел к тому, что мыслители традиционализма маргинализировались (такая же судьба, к слову, постигла и российские либерально-демократические круги). Их основной формой деятельности стал выпуск малотиражных журналов, преподавательская деятельность. Во-вторых, широкомасштабное использование властью политических технологий и традиционалистской риторики привело к затиранию лозунгов. В качестве одного из примеров такого использования философского языка традиционалистов можно выделить статью Владислава Суркова о «глубинном народе». «Глубинный народ», по мнению Суркова, не поддается социологическому измерению, живет собственной жизнью [В. Сурков, 2019].

В рамках изложенного понимания консерватизма и традиционализма в постсоветскую эпоху становится понятным, что в социально-политическом спектре конца XX — начала XXI в. традиционалисты

играли роль критиков западного глобализма. Они подчеркивали, что архитекторы глобалистского проекта не представляли себе место России в международном разделении труда иначе как сырьевой колонии. Эти мыслители писали о том, что лозунгу возвращения в «европейский дом» должна быть противопоставлена собственная традиция. Это подразумевает выработку своего проекта, направленного не на защиту модернистского и постмодернистского статус-кво, а на герменевтическую реконструкцию смысла традиции. Можно отметить, что традиционалисты различных видов приходят к мнению о том, что Россия является империей, проделавшей путь от красной империи до «русского мира».

В целом традиционалистская мысль постсоветской России проявила себя в стремлении сохранить качественное разнообразие культур, традиций, идентичностей. Задача защиты культурно-цивилизационного многообразия человечества вытекает из биологического закона сохранения разнообразия жизни во всех ее проявлениях. Биоразнообразие считается одним из наиболее фундаментальных показателей жизнеспособности биосферы. Аналогично условием выживания человечества является сбережение многообразия человеческих культур. Русский философ-византист XIX в. К.Н. Леонтьев формулировал эту идею с помощью выражения «цветущая сложность». Теорией культурного и цивилизационного плюрализма обусловлена значительная часть воззрений русских консерваторов и традиционалистов на Запад, Восток и Россию.

Западный глобализм в интерпретации русских традиционалистов

В работах мыслителей, представляющих течение традиционализма, много внимания уделяется западной цивилизации и тем тенденциям внутри Запада, которые, по их мнению, ведут к разрушению разнообразия народов, культур, традиций. Вслед за Освальдом Шпенглером традиционалистская мысль считает Запад фаустовской культурой, основанной на титаническом внешнем активизме. Русские традиционалисты солидаризируются с оценкой Шпенглером Запада как ультра-активистской формально-материалистической цивилизации и часто рассуждают о «прометеевой гордыне» западного человека. С точки зрения представителей традиционализма, прометеевский активизм Запада породил в современную эпоху целый ряд явлений, играющих разрушительную роль по отношению к качественному разнообразию социокультурных типов.

Во-первых, речь идет о западном глобализме, стремящемся подчинить и уничтожить незападные цивилизации. Практически во всех своих работах русские традиционалисты стремятся по-

казать несостоятельность универсалистских претензий западных глобалистов, постоянно выступающих от лица «общечеловеческих ценностей», «мирового сообщества» и игнорирующих незападные цивилизации. Среди наиболее ярких работ можно выделить «Речь в Гарварде» Солженицына [А.И. Солженицын, 1997, с. 315], в которой он пытается показать, что существует множество других культур и цивилизаций, отличных от западной, поэтому не стоит их мерить культурными стандартами Запада. В рамках традиционалистской мысли подчеркивается, что победа Запада в холодной войне была истолкована глобалистами как конец Востока.

Во-вторых, направленность на внешнее действие привела к развитию технологического отношения ко всему, что находится вне атомизированного индивида, в том числе и к времени-пространству. Критикуя механицизм Запада, традиционалистская мысль указывает на занижение статуса окружающего мира со стороны западного человека, который воспринимает природу как источник богатств, а мир окружающего социума — как поле социальных и исторических экспериментов со стороны «прогрессивного авангарда», претендующего на абсолютное знание народных интересов [А.С. Панарин, 1999, с. 33]. В рамках Нового времени, как показал Гейдар Джемаль, «человек является самодостаточной реальностью, кроме которой ничего нет; он сам порождает и развивает собственный разум, который делает его центром Вселенной; единственной главной целью этого разумного самодостаточного человека является его благополучие и довольство, в преследовании которых не существует никаких ограничений» [Г. Джемаль, 2010, с. 33].

Время атомизированного индивида линейно. Тем самым возникает идея прогрессивных наций и варварских. Человеческая история здесь понимается исходя из линейного времени, а Восток, не укладывающийся в данную схему, рассматривается как объект цивилизаторской миссии Запада. Последовательное развертывание прогрессивной философии неизбежно приводит к культуурофобии, поскольку все незападные культуры, в том числе и очень древние, объявляются «варварскими», «отсталыми», «тоталитарными». Так, древнейшие цивилизации Китая и Индии в свое время не избежали обвинений в «отсталости», «несовременности», «непрогрессивности», «недоразвитости». Более того, в эпоху постмодерна уже даже классическая культура самого Запада подвергается остракизму и отбрасывается под предлогом своей «архаичности».

Западный человек отрицает ценность всего внеиндивидуального и надындивидуального, тем самым формируя особое отношение ко времени, а следовательно, и к деньгам, которые являются мерой времени. Традиционалистская мысль обращает внимание на фактор

маргинальной личности, стоявшей у истоков модерна. Определивший историю, философию и психологию Нового времени маргинальный субъект купил свое величие ценой противопоставления себя униженному миру.

В-третьих, по мнению А.С. Панарина, в Западном проекте отказ от созерцательного постижения внутренней сущности мира, ощущение себя титанами, равными богам и призванными покорять природу, породили стремление десакрализировать мир, ликвидировать понятие Бога и избавиться от всякой метафизики как таковой. При этом А.Г. Дугин отмечает, что, в отличие от Модерна, в Постмодерне отказываются от богоборчества, поэтому «людям Постмодерна религия не враждебна, но безразлична» [А.Г. Дугин, 2009, с. 21]. В результате Западная цивилизация, как полагают теоретики русского традиционализма, значительно больше внимания стала уделять эмпирическому опыту, утилитарным соображениям пользы и прагматике действия, нежели Восток. Панарин, Джемаль и Решетников подчеркивают роль религии как гаранта приоритета долгосрочных родовых интересов человека над индивидуальными. Можно отметить позицию С.С. Хоружего о специфичности взглядов Дугина на православие, в рамках которых происходит скрещивание «тринитарной православной метафизики» как высшей точки развития Традиции [С.С. Хоружий, 2017, с. 110] с проявлениями гиперборейской сакральности. Таким образом, Дугин формулирует новые религиозные парадигмы в духе New Age.

Процесс секуляризации и рост приоритета материальных ценностей над духовными сопровождается ростом индивидуализма, отрицающего все то, что превышает рамки атомарного индивида. Общество, потерявшее связь с высшим началом, распадается на отдельные атомы, поскольку любые надындивидуальные и коллективные цели считаются несоответствующими сиюминутным интересам индивида.

Восточный проект посткапиталистического мироустройства: взгляды русских традиционалистов

Что касается одной из постзападных альтернатив, то ее источником выступает Традиция Востока. Философия традиционализма пытается ответить на вопрос, как именно Восток способен помочь человечеству найти выход из имеющихся глобальных проблем; какие резервы хранит в себе восточная цивилизация и какие пути выхода из планетарного цивилизационного кризиса модерна она способна открыть.

По мнению русских традиционалистов, альтернативность восточных цивилизаций состоит в том, что они представляют собой

источник сохранения культурно-цивилизационного многообразия человечества. Вразнообразии и инаковости восточных культур философия традиционализма усматривает залог дальнейшего развития истории. Делая акцент на Востоке, философы-традиционалисты тем самым настаивали на нелинейности развития, проявляющейся в многообразии мира. Согласно циклической исторической концепции, дихотомия Восток–Запад лежит в основе двуполушарной структуры мира. Тем самым всемирная история представляет собой чередование западных и восточных мегациклов.

С точки зрения философии традиционализма, главная особенность Востока — это его ориентация вглубь культуры. Восточные культуры направлены, в первую очередь, на постижение внутренней сущности и субстанции мира, некоей «вещи-в-себе», а не внешних форм и тех феноменов, которые первыми бросаются в глаза стороннему наблюдателю. Приверженность восточных цивилизаций внутренней духовной работе с целью достижения гармонии превращает их в важнейших носителей принципа сохранения качественного разнообразия традиций и идентичностей.

Российские философы традиционализма полагают, что культура не только на Востоке, но и на географическом Западе неразрывна с восточным началом. Культурные ценности и культурное творчество органически связаны с коллективной идентичностью, с презумпциями надындивидуального блага. Говоря о «внутреннем Востоке» применительно к западной цивилизации, традиционалистская мысль тем самым подразумевает, что культурологический Восток является более широким понятием, чем Восток географический. Поэтому восстановление в полном объеме мирового статуса восточного начала необходимо для культурного возрождения не только собственно восточных цивилизаций, но и самого Запада. В своей приверженности идее диалога культур как основы культурного творчества философия традиционализма в значительной степени идет вслед за русским культурологом М.М. Бахтиным.

В рамках предложенной российскими традиционалистами схемы люди Запада и люди Востока соотносятся как экстраверты, стремящиеся к трансформации окружающего внешнего мира, и интроверты, ориентированные на внутреннюю духовную работу. В условиях мировой экспансии глобализма происходит истончение и ослабление культурного слоя не только на Востоке, но и на самом Западе.

Очень важно отметить, что помимо партикулярно-плюралистического аспекта, направленного на защиту всего многообразия национальных, региональных и цивилизационных особенностей, философия традиционализма имеет также универсальное, всечеловеческое измерение: вместе с сохранением культурно-цивилизаци-

онного многообразия российским традиционалистами хочется также сберечь те вселенские универсалии, которые, с их точки зрения, едины для всего человечества. «Теория плюрализма цивилизаций абсолютизирует момент обособления мировых культур, теряя из виду единство мирового исторического процесса. Гипотеза западно-восточной мировой цикличности, как нам представляется, лучше объясняет драматургию мировой истории, не упуская из виду ее единства, диалектической взаимозависимости Запада и Востока» [А.С. Панарин, 1999, с. 36]. Следовательно, традиционалистская мысль может подвергаться определенной критике теорию плюрализма культур с позиций единства мирового исторического процесса. Здесь также особая роль должна принадлежать Востоку и России.

Восток для русских традиционалистов значим не только в качестве источника цивилизационного плюрализма и культурного многообразия, но и как фактор движения к всечеловеческому универсализму в области духа и культуры, противоположному по своей сути псевдоуниверсальному западному мондиализму. С точки зрения исламского традиционалиста Г. Джемалья, именно на Востоке будет произведен бунт против Запада: «Исламская теология станет универсальным методом мышления контрэлит, идущих на смену тираническому “коллективному фараону” — правящим ныне сверх-элитам, у которых должна быть вырвана власть» [Г. Джемаль, 2005, с. 11]. В этом его поддерживает и А.Г. Дугин. А. Проханов считает, что Восток поглотит Запад. «Активизация начал внутреннего Востока требуется Западу для того, чтобы постиндустриальный сдвиг не завершился банальным результатом, связанным с экстенсивным развитием технической цивилизации. Чем больше “внутреннего Востока” окажется на Западе, тем вероятнее перспектива формирования единого, планетарного постиндустриального общества, а вместе с ним — и единой исторической судьбы человечества» [А.С. Панарин, 1999, с. 128]. Как уже говорилось выше, Запад для философии консерватизма и традиционализма — это фаустовская, прометеевско-титаническая культура, предпочитающая внешнее действие внутренней гармонии, тогда как Восток — это цивилизация внутренней гармонии, ориентированная внутрь, на постижение глубинной сущности постольку, поскольку речь здесь идет не о жестком географическом детерминизме, а о культурологических понятиях, можно говорить о «внутреннем Востоке» применительно к Западу, равно как и о «внешнем Западе» применительно к восточной цивилизации. Сближение Запада и Востока может проходить как с помощью вестернизации, модернизации, технократизации, так и, наоборот, посредством «ориентализации», идеализма, сотрудничества на почве культуры и духа. Консервативно-традиционалистская мысль полагает, что, в первую

очередь, именно западная цивилизация должна идти навстречу Востоку, уделяя все большее внимание «вещам-в-себе», а не только внешним феноменам. «Главный вопрос Истории, относящийся к ее смыслу и перспективам, касается примата Духа или Материи, Неба или Земли. При этом Дух имеет волновую структуру, он предстает как невидимая, нелокализуемая в пространстве “соборность”. Материя, напротив, имеет корпускулярную, атомарную структуру, и потому воцарение материалистической фазы в культуре находит отражение в этике индивидуализма и морали успеха» [там же, с. 70]. Соответственно, по мысли российских консерваторов и традиционалистов, глобальный диалог культур, чтобы иметь прочный фундамент, должен проходить на базе общей приверженности Небу и Духу, а не материи. В рамках этой схемы альтернативного глобализма именно Восток выступает как внутренний центр мира, а Запад — как его внешняя форма.

Место и роль России в рамках Восточного проекта

Русские мыслители-традиционалисты стремятся осмыслить место России в рамках проекта восточной альтерглобализации. С точки зрения философии традиционализма, реставрация культурных универсалий требует общепланетарной духовной реформации, инициатива в проведении которой должна принадлежать Востоку. Кроме того, в решении этой задачи большая роль отводится российской цивилизации как авангарду Восточного проекта. Традиционалистская мысль солидаризируется с мнением Ф.М. Достоевского, высказанным им в знаменитой «Пушкинской речи» и на страницах «Дневника писателя», о том, что русский культурный тип является всечеловеческим и всеобъединяющим. Как и многие русские мыслители — славянофилы, панслависты, евразийцы — российские традиционалисты подчеркивают центральное положение России по отношению к Западу и Востоку, позволяющее ей сочетать в себе оба начала. Как известно, срединным царством традиционно принято называть Китай. Однако, с точки зрения географии, у России не меньше прав претендовать на статус срединного мира. Философия традиционализма не ограничивается указанием на то, что Россия представляет собой синтез Востока и Запада, и стремится описать соотношение двух этих культурологических начал. Таким образом, именно восточное начало, с точки зрения философии традиционализма, является основополагающим фундаментом России, тогда как западное начало составляет некую внешнюю форму. Укажем, что такая структура соответствует оптимальному мировому соотношению Востока и Запада как центра и периферии, что и делает Россию наиболее удачным выразителем всечеловеческой универсальной идеи. С точки зрения такого традиционалиста, как Гейдар Джемаль,

Россия — это место «священного беззакония», которое является оплотом провидческой воли Бога. По мысли Джемаль, роль России в бунте против «фараонов» заключается в недопущении рабского состояния человека как антропологического субъекта [Г. Джемаль, 2010, с. 19]. А. Дугин считает, что Россия является частью Евразии и при этом Евразия не является ни частью Европы, ни частью Азии. Евразия, с точки зрения Дугина, — это опора на собственные силы [А.Г. Дугин, 2016]. Примерно такого же мнения придерживаются и все неовизантийцы, так как они считают, что Россия обособлена от цивилизационных центров как Запада, так и Востока.

В заключение следует окончательно сформулировать ответ на тот вопрос, который был поставлен в начале статьи. Во-первых, вклад русской традиционалистской мысли постсоветской России состоит в развитии идеи сохранения культурно-цивилизационного многообразия человечества. Во-вторых, он заключается в обосновании необходимости защиты всечеловеческих универсалий культуры, прежде всего триады Истины, Добра (Блага), Красоты. В-третьих, российским традиционалистам удалось основательно разработать критику Запада за его стремление нивелировать качественное разнообразие мировых традиций и идентичностей. В-четвертых, традиционалистская мысль показала значение Востока как хранилища культурно-исторического плюрализма и одновременно источника подлинного универсализма на базе культуры и Духа. В-пятых, философия традиционализма сумела отчетливо обосновать ключевую роль России в деле взаимодополняющего соединения самобытного партикуляризма и духовно-идеалистического универсализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутин А.В., Магун А.В. Вопросы философии. 2014. № 9. С. 175–181.
- Бибихин В.В. Сила мысли // Сафранский Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. М., 2002.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века. СПб., 2009.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Германский Логос. Человек апофатический. М., 2015.
- Дугин А.Г. Евразия: особое мировоззрение. 2016 // URL: <http://katehon.com/ru/directives/evraziya-osoboe-mirovovzrenie>
- Джемаль Г. Исламская интеллектуальная инициатива / Под общ. ред. Г.Д. Джемалья; Сост., комм. А. Ежова. М., 2005.
- Джемаль Г. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010.
- Жданова Г.В. Евразийство: История и современность. Калуга, 2004.
- Запад — Восток — Россия 2016: Ежегодник / Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос (ред.). М., 2017.
- Камнев В.М., Осипов И.Д. Политическая философия русского консерватизма: Учебное пособие. СПб., 2017.

- Кильдяшов М.А.* Александр Проханов — ловец истории. М., 2018.
- Маслин М.А.* Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 201–210.
- Михайловский А.В.* Хайдеггер будущего и будущее Хайдеггера // Horizon. Феноменологические исследования. 2018. Т. 7, № 2. С. 337–364.
- Окара А.Н.* Новая Восточная Европа в XXI веке: Способно ли византийское наследие изменить Россию и весь мир? // Развитие и экономика. 2012. № 4. С. 130–151.
- Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996.
- Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
- Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование: Учебник для студентов вузов. М., 2000.
- Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
- Работяжев Н.В.* Консерватизм и модернизация: единство или борьба противоположностей? // Полития. 2015. № 1 (76).
- Решетников Л.* Вернуться в Россию: Третий путь или тупики безнадежности. М., 2017.
- Садовая Е.С., Сауткина В.А.* Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М., 2015.
- Семенов И.С.* Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание. М., 2017.
- Солженицын А.И.* Речь в Гарварде (1978) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995.
- Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля // URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html
- Сэдзвик М.* Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М., 2014.
- Шириняц А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166–183.
- Шпанн О.* Философия истории. СПб., 2005.
- Хапаева Д.* Неомедиевализм плюс ресталинизация всей страны! // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 173–186.
- Хоружий С.С.* Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–120.
- Хлебников М.* Топор Негоро: скитания «реакционных» интеллектуалов в XX веке. М., 2019.
- Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.
- Graef A.* Russia's RAND Corporation? The up and downs of the Russian Institute for Strategic Studies (RISI) // Russian Analytical Digest (RAD) N 234: Russian think tanks and foreign policy-making. 2019. P. 5–9. DOI:10.3929/ethz-b-000331035.
- Laruelle M.* The two faces of contemporary Eurasianism: An imperial version of Russian nationalism // Nationalities Papers. Vol. 32, N 1. March. 2004.